

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2021-4-6

Становление светского школьного образования в татарских населенных пунктах Мордовии (1910-е – начало 1940-х гг.)

А. Н. Занкина

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей
имени И. Д. Воронина, Саранск, Россия

kraeved13rus@gmail.com, annakonopljnkova@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Образовательная политика СССР вызывает интерес у исследователей до настоящего времени, особенно в контексте многонационального государства. В данном исследовании становление светской школы показано на примере татар Мордовии, история которых в рамках вышеупомянутого региона изучена слабо, что во многом объясняется их немногочисленностью. Цель работы – показать кардинальные изменения, произошедшие в сфере образования после революционных событий 1917 г., переход от мусульманской религиозной школы к светской общеобразовательной и всеобщему начальному образованию, выявить особенности данного процесса у татар. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия. Особое место занимают ранее опубликованные исследования, посвященные советской образовательной политике. Методологический корпус исследования включает в себя сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сравнить грамотность татар, русских и мордвы (в имперский и советский периоды), а также процент коренизации школ у этих народов; хронологический метод, благодаря которому удается проследить последовательность исторических событий на протяжении рассматриваемого периода; статистический метод, позволяющий проанализировать количество татарских студентов в педагогических техникумах, образовательный уровень учителей, данные по количеству и коренизации татарских школ, а также охват школой детей. *Результаты.* Удалось проследить процесс становления советской школы в 1910-х – начале 1940-х гг. на примере татарских населенных пунктов Мордовии и выявить трудности, с которыми она столкнулась, такими как нехватка учителей, специальных помещений, отсева, плохая успеваемость. Рассмотрены процессы постепенного вытеснения конфессиональной мусульманской школы советской общеобразовательной на протяжении 1920-х гг.; установления всеобщего начального образования и попыток внедрения семилетнего всеобуча; утверждения обязательного русского языка в школах и коренизации школ. *Выводы.* Изучение темы становления советского школьного образования в Мордовии позволило не только найти новые интересные сведения о том, как протекал данный процесс у татар Мордовии, но и выявить его отличительные особенности. В частности, было установлено, что на протяжении 1920-х гг. в татарских населенных пунктах продолжали действовать мусульманские конфессиональные школы, которые функционировали как при мечетях, так и на дому. Одной из трудностей в осуществлении у татар всеобуча стала острая нехватка специальных школьных зданий, так как в татарских населенных пунктах, в отличие от русских и мордовских, не было бывших церковно-приходских школ и барских усадеб. Также отличием татарской национальной школы стало то, что в ней, в отличие от мордовской, отсутствовала проблема привлечения в школу девочек и сохранился

высокий процент преподавания на родном языке, в то время как в эрзянских и мокшанских школах он был значительно ниже.

Ключевые слова: Мордовская АССР, образовательная политика, татары, национальная школа, коренизация, всеобуч

Для цитирования: Занкина А. Н. Становление светского школьного образования в татарских населенных пунктах Мордовии (1910-е – начало 1940-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 61–76. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-6

A formation of secular school education in the Tatar settlements of Mordovia (1910s – early 1940s)

A.N. Zankina

I.D.Voronin Joint Local Lore Museum of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia
kraeved13rus@gmail.com, annakonopljnkova@yandex.ru

Abstract. *Background.* Researches are interested in the educational policy of the USSR so far, especially in the context of a multinational state. In this article, the formation of a secular school is shown by the example of the Tatars of Mordovia, whose history within the above-mentioned region has been poorly studied, mostly because of their small number. The purpose of the research is to show the cardinal changes that took place in the field of education after the revolutionary events of 1917, the transition from a Muslim religious school to a secular general education and universal primary education, to reveal the features of this process among the Tatars. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the Central State Archives (CSA) of the Republic of Mordovia. A special place is occupied by previously published studies on Soviet educational policy. The methodological corpus of the research includes a comparative-historical method, the application of which makes it possible to compare the literacy of the Tatars, Russians and Mordovians (in the imperial and Soviet periods), as well as the percentage of school indigenization among these peoples; chronological method, thanks to which it is possible to trace the sequence of historical events throughout the period under consideration; a statistical method that allows you to analyze the number of Tatar students in pedagogical technical schools, the educational level of teachers, data on the number and nativization of Tatar schools, as well as school coverage of children. *Results.* It was possible to trace the process of the formation of the Soviet school in the 1910s – early 1940s. on the example of the Tatar settlements of Mordovia and identify the difficulties it faced, such as a lack of teachers, special rooms, dropouts, poor academic performance. The processes of gradual displacement of the confessional Muslim school of the Soviet general education during the 1920s are considered; the establishment of universal primary education and attempts to introduce a seven-year universal education; the approval of the compulsory Russian language in schools and the indigenization of schools. *Conclusions.* Studying the topic of the formation of Soviet school education in Mordovia made it possible not only to find new interesting information about how this process in the Tatars of Mordovia took place, but also to reveal its distinctive features. In particular, it was found that during the 1920s. In Tatar settlements, Muslim confessional schools continued to operate, which functioned both at mosques and at home. One of the difficulties in implementing was an acute shortage of special school buildings, since in the Tatar settlements, in contrast to the Russian and Mordovian ones, there were no former parish schools and noble estates. Also, the difference between the Tatar national school was that, in contrast to the Mordovian one, there was no problem of attracting girls to school

and a high percentage of teaching in their native language remained, while in Erzya and Mokshan schools it was much lower.

Keywords: Mordovian ASSR, educational policy, Tatars, national school, indigenization, general education

For citation: Zankina A.N. A formation of secular school education in the Tatar settlements of Mordovia (1910s – early 1940s). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;(4):61–76. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-6

Исламское образование всегда играло исключительно важную роль в воспитании и просвещении мусульман, ведь именно выходцы духовных учреждений становились опорой мусульманского вероучения. Не случайно в мусульманской традиции широко известно высказывание пророка Мухаммада: «Ученые – наследники пророков (аль-уляма’ вараса аль-анбийя’)» [1, с. 12].

Классическая система религиозного образования в исламе делится на две ступени. Ступень первая – мектебы (араб. «там, где пишут»). Вторая ступень исламского образования – медресе (араб. «место, где изучают»). Это учебные заведения средней и высшей ступени по подготовке мусульманского духовенства. В Российской империи в начале XX в. неизменным атрибутом каждой татарской деревни была мечеть, а постоянным спутником культовых учреждений мусульман была школа [2, с. 35]. Так, к 1894 г. на территории мордовского края существовало 78 мусульманских конфессиональных учебных заведений: 30 – в Краснослободском уезде, 17 – в Саранском, 15 – в Темниковском, 14 – в Инсарском и 2 – в Спасском [3, с. 134–135]. Девочки-мусульманки учились на дому у жен духовных лиц (абыстай) или образованных женщин, а также в мектебах, но отдельно от мальчиков. Основными предметами были чтение по-татарски, письмо (арабское и татарское), арифметика, «татарское и магометанское воззрение, магометанский Закон Божий». Как правило, все мектебе содержались на общественные средства, которые складывались из пожертвований прихожан мечети и родителей учеников [2, с. 35; 4, с. 95–101].

Развитие традиционной мусульманской школы было прервано революционными событиями 1917 г. Характерно, что в первое десятилетие советской власти религиозное образование не было официально запрещено, но дистанция между религиозным и светским обучением присутствовала. Так, на основании Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» преподавание религии в государственных и частных учебных заведениях, где преподавались общегражданские предметы, не допускалось и могло осуществляться только в частном порядке [5, с. 286].

Согласно постановлению «О светской школе» Государственного комитета по просвещению от 18 февраля 1918 г., «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного комиссариата по Просвещению, и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается» [6, с. 17].

Таким образом, совместно с новой светской школой на территории мордовского края в татарских селах продолжали действовать и религиозные,

мусульманские. Их существование объясняется тем, что в годы Гражданской войны и после ее окончания, в связи с переходом к новой экономической политике, советская власть пошла на временные уступки в сфере религиозного образования. Так, в октябре 1923 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР, которое допускало «в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также остальных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания вероучения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в мечетях и частных домах) лицам, достигшим совершеннолетия по шариату и имеющим образование в объеме 3 классов школы 1 ступени» [7, с. 54].

В 1925/1926 учебном году в Пензенской губернии официально действовало 7 религиозных школ, 4 из которых действовали в Саранском уезде [8, с. 43–45]. Однако муллами чаще практиковалось преподавание мусульманского вероучения на дому, «ибо население учитывает, что добиться разрешения (*подразумевается, разрешение на открытие конфессиональной школы – А. З.*) будет трудно вследствие всяких формальностей» [9, л. 6].

Подобная активность мусульманского духовенства беспокоила советские органы власти, и они боролись против нелегальных мусульманских школ, вовлекая детей в советские школы и проводя антирелигиозную агитацию [10, с. 145].

Пока еще борьба с религиозными школами была довольно мирной. Однако в мае 1928 г. вышло постановление, запрещающее любые формы организации религиозного образования, начались массовые репрессии против духовенства. Целью этого стало не только уничтожение религии, но и их носителей. И к концу 1920-х гг. в татарских населенных пунктах Мордовии остались только советские общеобразовательные школы, одной из основных целей которых стало формирование совершенно нового типа людей, в которых прежнее патриархальное миропонимание будет вытеснено коммунистической идеологией [11, с. 249].

Утвержденные в октябре 1918 г. «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы» вводили единую двухступенчатую девятилетнюю систему образования. Процесс создания первой национальной школы для нерусского населения столкнулся с рядом трудностей, что было обусловлено тяжелыми экономическими и политическими условиями. Непростая финансовая ситуация отражалась в отчетах отделов и подразделов народного образования и заявлениях учителей.

Так, согласно заявлению от 7 марта 1918 г., в тюрко-татарский подраздел обратился мугаллим (учитель) деревни Татарский Умыс Саранского уезда Нуман Ахмеджанович Юнусов. Он сообщал, что «национальные школы деревни Татарский Умыс крайне нуждаются в материальной поддержке, о чем мугаллим Юнусов просит подраздел поставить в известность Саранскую уездную земскую управу». Поэтому подраздел, в свою очередь, просил управу сделать нужную материальную поддержку школам этой деревни [12, л. 13].

Не хватало и учительских кадров, в результате чего к преподаванию временно допускались имамы, получившие образование в медресе, а также молодые и зачастую неопытные учителя, специальное образование которых ограничивалось краткосрочными педагогическими курсами [12, л. 30; 13, л. 24, 25, 59, 68, 70, 104, 110].

В конце 1910-х – 1920-е гг. проблема подготовки и переподготовки учительских кадров среди татар решалась главным образом за счет организации методико-педагогических краткосрочных курсов. Так, летом 1919 г. курсы подготовки учителей тюрко-татарских школ посетил 21 учитель Саранского уезда [14, л. 24, 31; 15]. В мае 1921 г. в Саранске были организованы педагогические курсы для учителей татарской национальности. При курсах имелось общежитие и столовая, полагалось также суточное вознаграждение [16, л. 8].

Таким образом, к 1929 г. на территории Мордовского округа из 119 преподавателей татарской национальности насчитывалось со специальным педагогическим образованием всего 10 человек; окончивших старые татарские медресе – 20 человек; остальные 79 человек окончили только школы первой ступени [17, л. 1].

К концу 1920-х гг. образовательный уровень и квалификация татарских учителей значительно отставали от русского и мордовского учительства: «В татарской школе все пониженного качества, все носит чрезвычайно примитивный характер ввиду особо слабой квалификации педагогов» [9, л. 6]. «Татарское учительство настолько не квалифицировано, что не обеспечивает более или менее нормального прохождения программы и привития учащимся необходимых языков» [9, л. 4].

В отчетных документах в качестве одной из причин низкой квалификации татарских учителей по сравнению с соответствующими русскими и мордовскими специалистами указывалось то, что «мордовское учительство по своему образовательному уровню и педагогической квалификации мало отличается от русского учительства, как получившее образование в общих учебных заведениях» [9, л. 4].

С конца 1920-х гг. подбору учительских кадров стало уделяться больше внимания. В начале 1930-х гг. татарских учителей стали активно привлекать в педагогические техникумы. В табл. 1 приведен количественный и национальный состав учащихся в данных учебных заведениях.

Таблица 1

1929 г.				1932 г.			
Всего	Мордва	Татары	Русские	Всего	Мордва	Татары	Русские
479	331	–	148	1581	849	36	696

Примечание. Составлено по [18, с. 110].

Данные, приведенные в табл. 1, позволяют сделать вывод о том, что если в 1929 г. в Саранском, Краснослободском, Ардатовском, Зубово-Полянском, Инсарском, Ичалковском и Козловском техникумах татар не было, то к 1932 г. ситуация в этом плане несколько улучшилась.

Стоит также отметить, что педагогов татарской национальности, которые в дальнейшем работали в школах Мордовии, выпускал и Пензенский педагогический техникум [19, л. 4], а для обеспечения татарских школ учителями в 1935 г. в Лямбуре было открыто первое в МАССР татарское педагогическое училище. Оно просуществовало до 1954 г., и за 20 лет из его стен вышли сотни учителей как татарской, так и русской национальности [20, с. 18].

Таким образом, к середине 1930-х гг. стала наблюдаться положительная тенденция в вопросе повышения образовательного уровня татарских учителей. Из их общего числа 39,8 % татарских учителей 1–4 классов имели незаконченное семилетнее образование; незаконченное среднее имели 32 % учителей, законченное среднее – 28,5 %. Среди татарских учителей 5–10 классов 23,2 % имели незаконченное среднее образование, среднее – 67,8 %, высшее и незаконченное высшее – 8,9 % [18, с. 136–137].

В рассматриваемый период в татарских населенных пунктах остро не хватало соответствующих школьных зданий. К концу 1920-х гг. 40 % из всех имеющихся учебных помещений по виду своего строения ничем не отличались от обыкновенной крестьянской избы [17, л. 17]. В результате этого занятия зачастую проходили в две смены [21, л. 22; 22], а интенсивный рост в татарских школах количества учащихся приводил к тому, что учебные заведения были перегружены и не могли взять на обучение всех желающих. Были случаи отказов в приеме в школу: так, Пензятская школа отказала 80 человекам, Черемишевская – 50, Татарский Умыс – 70 [17, л. 16].

В татарских населенных пунктах, в отличие от русских и мордовских, не было бывших церковно-приходских школ и барских усадеб – до 1917 г. обучение проводилось преимущественно в доме имама-хатыба (специальные здания были лишь в некоторых населенных пунктах – например, в селе Татарские Юнки) [23, с. 88]. Поэтому под школы приходилось приспособлять отдельные помещения, в том числе «кулацкие дома» и здания бывших мечетей [24, л. 1], а также строить новые здания. Так, в докладе об итогах обследования школ первой ступени Торбеевского района за период с 24 ноября по 14 декабря 1928 г. упоминается, что Больше-Шустройская, Нижне-Богдановская, Усть-Рахмановская школы находятся в бывших частновладельческих домах: «Большинство школьных зданий мало или некоторые совершенно не соответствуют требованиям современно-единой трудовой школы: тесны, имеют по одной или по две классных комнаты на 3–4 группы, световой площади и кубатуры воздуха недостаточны...» [21, л. 22].

Схожая статистика за 1927/28 учебный год наблюдалась и в татарских школах Саранского уезда: «Большинство школьных зданий далеко еще не отвечают требованиям: тесны, кубатура воздуха и световая площадь недостаточна» [17, л. 17]. В акте обследования Кривозерьевской школы первой ступени за 1928 г. отмечено: «Мало света, два окна расположены на север, три окна на юг, четыре на восток. Недостаточно воздуха, стены мрачные, при достаточном топливе температура бывает нормальная» [21, л. 66, 85, 124–126, 128, 129].

В докладе инспектора ОПУ Наркомпроса об обследовании учреждений «национальных меньшинств» Пензенской губернии за 1928 г. констатируется, что «церкви и мечети нет возможности противопоставить хорошее, уютное школьное помещение и уютную хорошо освещенную избу-читальню, которая по характеру своей работы заинтересовала бы население в большей мере, чем уют и благолепие молитвенных домов. Мечеть пользуется вниманием не только взрослого населения, но и молодежи, и детей. Дело в том, что в мечетях чисто, тепло, уютно, выстлано коврами, сотканными самим населением. Татары обычно покупают калоши, чтобы в чистой обуви входить в мечеть» [19, л. 6].

Строительство новых школьных зданий, соответствующих своему назначению, проводилось медленно, и к началу 1940-х гг. проблема отсутствия специальных школьных зданий для татар Мордовии не была решена полностью. Так, в 42 татарских населенных пунктах 13 школ размещались в приспособленных зданиях дореволюционной постройки, 5 школ комплектовались одновременно в нескольких зданиях как советской, так и дореволюционной постройки (специально выстроенных, так и приспособленных), 12 школ находились в приспособленных зданиях советской постройки и только 11 в специально построенных под школу помещениях¹.

Стоит рассмотреть и типы школ. К концу 1920-х гг. практически в каждом татарском населенном пункте Мордовского округа действовал один тип общеобразовательных учреждений: около 62 школ первой ступени [19, л. 8] (*установить точное количество школ не удалось, есть небольшое расхождение в разных источниках – А. З.*). Школы были трех- и четырехлетние, обучение велось на родном (татарском) языке. Также татарское население обслуживала 1 школа крестьянской молодежи (ШКМ) [25, л. 17]. Последняя была открыта в селе Старая Михайловка Лямбирской волости в 1927 г., ее посещали дети из 10 татарских сел. В данной школе преимущественно обучались дети татарской национальности, а обучение велось на русском языке [26, л. 210–212].

Школы второй ступени, школы-семилетки и девятилетки в 1920-х гг. в татарских селах отсутствовали, в отличие от русских и русско-мордовских населенных пунктов. Однако к началу 1930-х гг. школьная сеть среди татарского населения была развернута лучше, чем среди мордовского [27, л. 19].

Повышенное образование в указанный период было доступно для учащихся национальных меньшинств лишь в школах Саранска, Рузаевки, Темникова, а также других населенных пунктов, где создавались общие отделения для татар и мордвы [28, л. 7, 8].

В 1930–1931 гг. определяется курс на введение всеобщего начального и семилетнего обучения, а в середине 1930-х гг. некоторые изменения произошли в структуре школы. Принятые СНК СССР и ЦК ВКП(б) законодательные акты, прежде всего «О структуре начальной и средней школы» от 15 мая 1934 г. и «Об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г., регламентировали в масштабе всей страны существование трех типов общеобразовательной школы: начальной (1–4 классы), неполной средней (1–7 классы) и средней (1–10 классы) [29, с. 167, 170–172].

В начале 1930-х гг. в татарских населенных пунктах Мордовской области наряду с начальными школами появляются первые семилетние и девятилетние. Данные о количестве и положительной динамике в росте татарских начальных, семилетних и средних школ отражены в табл. 2.

К 1934 г. была практически решена задача распространения в Мордовии всеобщего начального образования, в том числе и среди татарского населения. Не последнюю роль в этом сыграло увеличение количества начальных

¹ Подсчитано автором по источнику: Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р. 464. Оп. 2. Д. 103, 105, 106, 108, 109, 131, 139, 140, 169, 170, 194, 196, 201, 203, 215–219, 232, 234, 235, 248, 252, 258, 288.

школ в татарских селах. Например, если в 1930 г. количество начальных школ равнялось 64, то к 1932 г. – 72 [30, с. 73].

Таблица 2

Динамика в росте татарских начальных, семилетних и средних школ

Год	1930	1931	1932	1933	1934
Начальные школы	64	71	72	72	72
Контингент учащихся 1–4 классов	5805	8160	9245	8379	8430
Средние и семилетние школы	1	2	3	10	12
Контингент учащихся 5–10 классов	207	361	482	680	1129

Примечание. Составлено по [30, с. 73].

В 1939 г. XVIII партийный съезд принял программу повсеместного завершения в деревне и во всех национальных республиках всеобщего семилетнего обучения с расширением охвата сельских школьников десятилетним обучением. В городах было намечено «осуществление всеобщего среднего обучения» [31, с. 362]. Стоит отметить, что в Мордовии во второй половине 1930-х гг. количество учеников татарской национальности, обучающихся в 5–10 классах, было небольшим. Так, в 1937/38 учебном году всего 23,5 % татарских учеников обучались в 5–7 классах и 1,5 % – в 8–10 классах [32, л. 1].

Для реализации вышеупомянутой программы в школах Мордовии планировалось построить новые школьные здания, расширить учительский состав, увеличить количество детей, продолжающих обучение в 5 классе. Так, согласно плану по введению семилетнего всеобуча в Лямбирском районе, планировалось построить новые школьные здания (каждое на 280 мест) в период с 1939 по 1942 г. в татарских населенных пунктах Лямбиров, Кривозерье, Черемешево, Татарская Свербейка. В селе Пензятка планировалось построить интернат на 40 человек, а в селе Кривозерье – переоборудовать старую школу под интернат на 80 человек [33, л. 8]. Предлагалось также в 1942 г. реорганизовать неполную среднюю школу в селе Кривозерье в среднюю.

В связи с введением семилетнего всеобуча было также необходимо расширить преподавательский состав. Так, к 1941 г. в Лямбирскую среднюю школу требовалось четыре новых учителя – по русскому языку, географии, немецкому языку, физике. Кривозерьевская неполная средняя школа в связи с реорганизацией нуждалась в дополнительных учителях по русскому языку, физике и математике, химии и биологии, истории и географии, немецкому языку [33, л. 9].

Великая Отечественная война не позволила осуществить поставленную задачу в полной мере: неполная средняя школа в селе Кривозерье так и не была реорганизована в среднюю. Не удалось построить новые школьные здания в селах Лямбиров, Кривозерье, Черемешево, Татарская Свербейка. И если в селе Кривозерье учащиеся занимались в специальном школьном здании,

построенном в 1937 г. (это здание предполагалось переоборудовать в интернат), то в селах Черемешево и Татарская Свербейка занятия продолжали проходить в нескольких приспособленных зданиях дореволюционной постройки [34, л. 2, 26, 50]. Тем не менее к 1940/41 учебному году количество татарских детей, продолжающих обучение после начальной школы, выросло. В 5–7 классах стало обучаться 28,3 % детей, в 8–10 классах – 4,3 % [35, л. 25].

Официально к 1939/40 учебному году в татарских населенных пунктах Мордовской АССР имелось 36 начальных, 20 неполных школ и 4 средние школы [35, л. 25]. Как видно из данной статистики, общее количество школ по сравнению с 1934 г. уменьшилось с 84 до 60, что было связано с реорганизацией начальных школ в неполные средние [18, с. 127; 36, л. 6]. Не исключено, что причиной данного сокращения также могли стать демографические процессы на территории МАССР – снижение уровня рождаемости, которое началось в 1929–1930-е гг., резкое повышение уровня смертности населения, наблюдающееся после 1928 г., неблагоприятная динамика младенческой смертности, наивысший показатель которой был зафиксирован в 1929–1930, 1933 и 1936 г. [37, с. 70, 71].

В 1930 г. после принятия XVI съездом ВКП(б) решения об усилении борьбы с уклоном в национальном вопросе началось свертывание национальной школы [38, с. 17]. Как следствие, в стране стало набирать обороты активное внедрение русского языка в школах как самостоятельного предмета, но с сохранением родного языка преподавания. 13 марта 1938 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Постановление утверждало русский язык как язык не только межнационального общения, но и приобщения к русской культуре: он вводился со второго класса в суммарном объеме 40 часов в неделю. Одновременно в РСФСР для всех нерусских школ вводились единые унифицированные учебные планы в городском и сельском вариантах. В тех же целях начался процесс перевода алфавитов с латиницы на кириллицу [39, с. 81–101].

Постановление от 13 марта 1938 г. провозглашало, что родной язык должен был продолжать являться основой преподавания в национальных школах, а «тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в язык преподавания и тем самым к ущемлению родного языка является вредной и неправильной» [35, л. 38]. Для сохранения родного языка преподавания в школах в 1940 г. во всех автономных республиках и областях, краях и областях, на территориях которых имелись нерусские школы, были составлены и утверждены планы коренизации нерусских школ. Перед Наркомпросом Мордовской АССР встала задача закончить перевод на родной язык обучения с 1 по 7 класс в 1943/44 учебном году. Вследствие недостатка педагогических кадров из коренной национальности предлагалось в течение 1941/42 учебного года преподавание в 8–10 классах перевести на родной язык по тем предметам, по которым имелись преподаватели [35, л. 38, 39; 40, л. 4, 5]. Также требовалось улучшить преподавание русского языка во всех нерусских школах. Коренизация должна была поспособствовать этому процессу, а не ослабить его [35, л. 41].

К 1940/41 учебному году татарские школы республики были лучше обеспечены национальными кадрами, чем эрзянские и мокшанские. Так,

в татарских школах преподавание на родном языке было обеспечено с 1 по 4 класс на 98 %, с 5 по 7 класс – на 91 %, с 8 по 10 класс – на 44 %. Для сравнения в мокшанских школах данный показатель составлял 94 % (1–4 классы), 62 % (5–7 классы), 20 % (8–10 классы); в эрзянских школах – 95 % (1–4 классы), 66 % (5–7 классы) [35, л. 44]. Из этой статистики можно предположить, что коренизация была в первую очередь направлена на мордовскую школу (к тому же более многочисленную). В соответствии с коренизацией были разработаны планы подготовки педагогических кадров для национальных школ, однако именно кадровая проблема – недостаток учителей с соответствующим образованием и знающих язык настолько, чтобы вести преподавание на нем, – стала главной причиной, в результате которой завершить полностью перевод обучения на родной язык во всех национальных школах не удалось.

Как видно из табл. 3, политика коренизации в Мордовии имела успехи среди учащихся в первую очередь мордовской национальности. Значительно выросло количество мордовских учеников с 1 по 7 классы, обучающихся на родном языке, в то время как положение татарских учащихся практически не изменилось. При этом процент учеников 8–10 классов среди мокшанских и эрзянских учеников снизился до нуля, а среди татарских незначительно вырос [41].

Стоит отметить, что в большинстве автономных республик и областей, за исключением Татарской, Башкирской и Чувашской, планы коренизации школ, составленные и утвержденные еще в 1940 г., по которым предусматривалось к 1945/46 учебному году завершить перевод обучения учащихся во всех школах и классах на родной язык и обеспечить преподавание родного языка и литературы вплоть до 10 класса, остались не выполненными. За годы войны темпы такого перевода значительно снизились, а в отдельных национальных республиках даже наметилась тенденция, направленная на ликвидацию ранее достигнутых успехов в этой области [42, с. 117].

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1920-е гг. традиции мусульманской конфессиональной школы на территории Мордовии прервались. И если первоначально наряду со светской школой в татарских селах действовали и религиозные, то после 1928 г. короткий период их сосуществования закончился.

К концу 1930-х гг. в татарских населенных пунктах Мордовской АССР было налажено всеобщее начальное образование, сделаны шаги к осуществлению семилетнего всеобуча. Однако на протяжении 1920-х гг. татарская школа наряду с общими проблемами (отсев, плохая посещаемость, успеваемость и материальная обеспеченность) столкнулась с трудностями, которые стояли острее, чем в русских и мордовских, – нехваткой специальных школьных зданий, школ повышенного типа и квалифицированных учителей (особенно окончивших высшие учебные заведения). И если к 1935 г. подавляющее большинство татарских учителей уже стали иметь незаконченное или полное среднее образование, а количество детей, продолжающих обучение после 4 класса, возросло к 1940/41 учебном году до 32,6 %, то проблема отсутствия специальных школьных зданий для татар Мордовии решалась медленно.

Таблица 3

Обучение на родном языке учащихся в школах Мордовской республики в 1944–1945 учебном году

Учащиеся	Учащиеся 1–4 классов		Учащиеся 5–7 классов		Учащиеся 8–10 классов		Итого	
	Всего	Обучающиеся на родном языке	Всего	Обучающиеся на родном языке	Всего	Обучающиеся на родном языке	Всего	Обучающиеся на родном языке
Мокшане	15 568	15 575	3319	2309	660	–	19 542	17 884
Эрзяне	14 567	14 590	3090	2975	717	–	18 874	16 665
Татары	4607	4471	1604	1530	114	57	6325	6058

Примечание. Составлено по архивному источнику [41, л. 3].

При этом в татарской национальной школе, в отличие от мордовской, отсутствовала проблема привлечения в школу девочек, а также сохранялся высокий процент преподавания на родном языке, в то время как в эрзянских и мокшанских школах он был значительно ниже.

В начале 1930-х гг. татар Мордовии затронули процессы, направленные на свертывание национальной школы, и в результате стало набирать обороты активное внедрение русского языка в школах как самостоятельного предмета. Постановление от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» утверждало русский языком межнационального общения, помогающим разным народам приобщиться к русской культуре. Согласно Постановлению, родной язык должен был продолжать являться основой преподавания в национальных школах, в результате чего в 1940 г. во всех автономных республиках и областях, краях и областях, на территориях которых имелись нерусские школы, были составлены и утверждены планы коренизации нерусских школ. Однако завершить процесс коренизации до конца не удалось, несмотря на определенные успехи, причиной чего стала кадровая проблема (недостаток учителей с соответствующим образованием и знающих язык настолько, чтобы вести преподавание на нем) и тяготы военного времени. При этом процент коренизации в татарских школах республики к середине 1940-х гг. составлял 95,78 %, мокшан и эрзян – 91 и 88 % соответственно.

Список литературы

1. Игнатенко А. А. Ислам и политика. М. : Ин-т религии и политики, 2004. 254 с.
2. Гусева Т. М. Система народного образования // Культура Мордовии. XX век : монография : в 2 т. Саранск, 2018. Т. 1. С. 25–37.
3. Очерки истории образования и педагогической мысли в Мордовском крае (середина XVI – начало XX в.) / под ред. проф. Е. Г. Осовского. Саранск : Красный Октябрь, 2001. 208 с.
4. Паршина В. Н. Основные типы начальных женских учебных заведений Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2010. № 15 (19). С. 95–101.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
6. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Выпуск первый (С 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.). М. : Наркомпрос, 1919. 204 с.
7. Шайдуллин Р. В., Аблязов К. А. Мусульманское религиозное образование в деревне Татарстана (1917–1929 гг.). Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004. 69 с.
8. Бикмаева А. А. Попытки возрождения религиозных (мусульманских) школ в середине 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии) // Мусульманское образование: история, проблемы, перспективы : сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Саратов, 18 апреля 2009 г.). Саратов : Научная книга, 2009. С. 37–45.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 46.
10. Общество и власть (1918–1920). Документы уездных съездов Советов Мордовии : в 2 т. Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. Т. 2. 584 с.

11. Юрченков В. А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 440 с.
12. ЦГА РМ. Ф. Р. 40. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.
13. ЦГА РМ. Ф. Р. 40. Оп. 1. Д. 43.
14. ЦГА РМ. Ф. Р. 40. Оп. 1. Д. 28. Л. 24, 31.
15. ЦГА РМ. Ф. Р. 40. Оп. 1. Д. 46.
16. ЦГА РМ. Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 136.
17. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 37.
18. Куршева Г. А. Общество, власть и образование. Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. 368 с.
19. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 42.
20. Филиппов Ю. Н. Лямбирь: Лямбирскому району 60 лет. Саранск : Мордовское книжное изд-во, 1993. 72 с.
21. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 66.
22. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 2. Д. 40.
23. Памятники истории и культуры Республики Мордовия. Саранск : Министерство культуры Республики Мордовия : МРОКМ им. И. Д. Воронина, 2007. 112 с.
24. ЦГА РМ. Ф. Р. 238. Оп. 1. Д. 669.
25. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 7.
26. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 1. Д. 1.
27. ЦГА РМ. Ф. Р. 238. Оп. 1. Д. 380.
28. ЦГА РМ. Ф. Р. 296. Оп. 2. Д. 5.
29. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 559 с.
30. Киселев А. Л. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. 320 с.
31. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 5: 1929–1932. М., 1984. 446 с.
32. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 170.
33. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 342.
34. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 2. Д. 216.
35. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 335.
36. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 259.
37. Красников А. А. Деятельность партийных и советских органов по формированию рядов рабочего класса и изменения социально-демографической структуры и численности населения Мордовии (конец 20-х – 30-е гг.) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989. С. 63–75.
38. Гатаулина М. Х. Ведущие тенденции развития татарской национальной школы (1985–2000 гг.). Казань : Печатный двор, 2001. 128 с.
39. Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. М. : ИНПО, 1997. 301 с.
40. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 425.
41. ЦГА РМ. Ф. Р. 464. Оп. 1. Д. 644.
42. Матвеева Л. А. Школьная система республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: проблемы функционирования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7-1. С. 115–118.

References

1. Ignatenko A.A. *Islam i politika = Islam and politics*. Moscow: In-t religii i politiki, 2004:254. (In Russ.)
2. Guseva T.M. Public education system. *Kul'tura Mordovii. XX vek: monografiya: v 2 t. = Culture of Mordovia. The 20th century: monograph*. Saransk, 2018;1:25–37. (In Russ.)

3. Osovskiy E.G. (ed.). *Ocherki istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli v Mordovskom krae (seredina XVI – nachalo XX v.) = Essays on the history of education and pedagogical thought in the Mordovian region (the middle of the 16th – early 20th centuries)*. Saransk: Krasnyy Oktyabr', 2001:208. (In Russ.)
4. Parshina V.N. The main types of primary female educational institutions of the Penza province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*. Humanities. 2010;(15):95–101. (In Russ.)
5. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg. = Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918*. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942:1483. (In Russ.)
6. *Sbornik dekretov i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu. Vypusk pervyy (S 28 oktyabrya 1917 g. po 7 noyabrya 1918 g.) = Collection of decrees and decisions of the workers "and peasants" government on public education. First release (From October 28, 1917 to November 7, 1918)*. Moscow: Narkompros, 1919:204. (In Russ.)
7. Shaydullin R.V., Ablyazov K.A. *Musul'manskoe religioznoe obrazovanie v derevne Tatarstana (1917–1929 gg.) = Muslim religious education in the village of Tatarstan (1917–1929)*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 2004:69. (In Russ.)
8. Bikmaeva A.A. Attempts to revive religious (Muslim) schools in the mid-1920s (by the materials from Penza province). *Musul'manskoe obrazovanie: istoriya, problemy, perspektivy: sb. materialov nauch.-prakt. konf. (g. Saratov, 18 aprelya 2009 g.) = Muslim education: history, problems, prospects: proceedings of scientific and practical conference (Saratov, April 18, 2009)*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2009:37–45. (In Russ.)
9. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mordoviya (TsGA RM). F. R. 296. Op. 1. D. 46 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 46*. (In Russ.)
10. *Obshchestvo i vlast' (1918–1920). Dokumenty uездных s'ezdov Sovetov Mordovii: v 2 t. = Society and power (1918–1920). Documents of the county congresses of the Soviets of Mordovia: in 2 volumes*. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2013;2:584. (In Russ.)
11. Yurchenkov V.A. *Vlast' i obshchestvo: rossiyskaya provintsiya v period sotsial'nykh kataklizmov 1918–1920 gg. = Power and society: russian province in the period of social cataclysms in 1918–1920*. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2010:440. (In Russ.)
12. *TsGA RM. F. R. 40. Op. 1. D. 27. L. 13 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 40. Item 1. File 27. List 13*. (In Russ.)
13. *TsGA RM. F. R. 40. Op. 1. D. 43 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 40. Item 1. File 43*. (In Russ.)
14. *TsGA RM. F. R. 40. Op. 1. D. 28. L. 24, 31 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 40. Item 1. File 28. List 24, 31*. (In Russ.)
15. *TsGA RM. F. R. 40. Op. 1. D. 46 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 40. Item 1. File 46*. (In Russ.)
16. *TsGA RM. F. R. 3. Op. 1. D. 136 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 3. Item 1. File 136*. (In Russ.)
17. *TsGA RM. F. R. 296. Op. 1. D. 37 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 37*. (In Russ.)
18. Kursheva G.A. *Obshchestvo, vlast' i obrazovanie = Society, power and education*. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2007:368. (In Russ.)
19. *TsGA RM. F. R. 296. Op. 1. D. 42 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 42*. (In Russ.)

20. Filippov Yu.N. *Lyambir': Lyambirskomu rayonu 60 let = Lyambir: Lyambir district is 60 years old*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1993:72. (In Russ.)
21. TsGA RM. F. R. 296. Op. 1. D. 66 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 66*. (In Russ.)
22. TsGA RM. F. R. 464. Op. 2. D. 40 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 2. File 40*. (In Russ.)
23. *Pamyatniki istorii i kul'tury Respubliki Mordoviya = Monuments of history and culture of the Republic of Mordovia*. Saransk: Ministerstvo kul'tury Respubliki Mordoviya: MROKM im. I.D. Voronina, 2007:112. (In Russ.)
24. TsGA RM. F. R. 238. Op. 1. D. 669 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 238. Item 1. File 669*. (In Russ.)
25. TsGA RM. F. R. 296. Op. 1. D. 7 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 7*. (In Russ.)
26. TsGA RM. F. R. 296. Op. 1. D. 1 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 1. File 1*. (In Russ.)
27. TsGA RM. F. R. 238. Op. 1. D. 380 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 238. Item 1. File 380*. (In Russ.)
28. TsGA RM. F. R. 296. Op. 2. D. 5 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 296. Item 2. File 5*. (In Russ.)
29. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. = Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents. 1917–1973*. Moscow: Pedagogika, 1974:559. (In Russ.)
30. Kiselev A.L. *Sotsialisticheskaya kul'tura Mordovii = Socialist culture of Mordovia*. Saransk, 1959:320. (In Russ.)
31. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986): v 16 t. T. 5: 1929–1932 = Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986): in 16 volumes. Volume 5: 1929–1932*. Moscow, 1984:446. (In Russ.)
32. TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 170 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 170*. (In Russ.)
33. TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 342 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 342*. (In Russ.)
34. TsGA RM. F. R. 464. Op. 2. D. 216 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 2. File 216*. (In Russ.)
35. TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 335 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 335*. (In Russ.)
36. TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 259 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 259*. (In Russ.)
37. Krasnikov A.A. The activities of party and Soviet bodies to form the ranks of the working class and change the socio-demographic structure and population of Mordovia (late 20s – 30s). *Deyatel'nost' KPSS po formirovaniyu mnogonatsional'nogo rabochego klasa: istoriya i sovremennost' = The activities of the CPSU to form a multinational working class: history and modernity*. Saransk, 1989:63–75. (In Russ.)
38. Gataullina M.Kh. *Vedushchie tendentsii razvitiya tatarskoy natsional'noy shkoly (1985–2000 gg.) = Leading trends in the development of the Tatar national school (1985–2000)*. Kazan: Pechatnyy dvor, 2001:128. (In Russ.)
39. Kuz'min M.N. *Natsional'naya shkola Rossii v kontekste gosudarstvennoy obrazovatel'noy i natsional'noy politiki = National School of Russia in the context of state educational and ethnic policy*. Moscow: INPO, 1997:301. (In Russ.)
40. TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 425 = *Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 425*. (In Russ.)

41. *TsGA RM. F. R. 464. Op. 1. D. 644 = Central State Archives of the Republic of Mordovia. Fund 464. Item 1. File 644.* (In Russ.)
42. Matveeva L.A. The school system of the Republic of Mordovia during the Great Patriotic War: problems of functioning. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual issues of the humanities and natural sciences.* 2015;(7-1):115–118. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Николаевна Занкина
научный сотрудник, Мордовский
республиканский объединенный
краеведческий музей
имени И. Д. Воронина (Россия,
г. Саранск, ул. Саранская, 2)

Anna N. Zankina
Researcher, I.D.Voronin Joint Local Lore
Museum of the Republic of Mordovia
(2 Saranskaya street, Saransk, Russia)

E-mail: kraeved13rus@gmail.com, annakonopljnkova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.06.2021

Принята к публикации / Accepted 10.08.2021